

Θульскій король.

(„Der König in Thule“).

А. Струговщиковъ удержалъ размѣръ подлинника, но недостаточно точно передалъ содержаніе. Такъ первая строфа у Гёте читается слѣдующимъ образомъ:

„Es war ein König in Thule,
Gartreu bis an das Grab,
Dem sterbend seine Buhle
Einen goldnen Becher gab“

т. е.

„Жилъ въ Θуле король,
Вѣрный до самой могилы;
Ему любовница умирая
Вручила золотой бокалъ“.

У А. Струговщикова:

„Царь счастливъ былъ подругой—
Не вѣкъ она жила
И умирая другу
Свой кубокъ отдала“.

Въ этой строфѣ высказывается главная мысль баллады: вѣрность короля любимой женщиной; въ переводѣ она пропущена. Четвертая строфа читается такъ:

„Er sass beim Königs Mahle,
Die Ritter um ihn her,
Auf hohem Vätersaale,
Dort auf dem Schlass am Meer“

т. е.

„Онъ сидѣлъ на королевскомъ пиру,
Вокругъ него рыцари,
Въ высокой залѣ отцовъ,
Тамъ въ замкѣ у моря“.

Струговщиковъ переводить:

„И тамъ, гдѣ домъ старинный
Отцовъ его стоялъ,
Надъ моремъ, онъ съ дружиной
Подъ старость пировалъ“.

Слова Гёте запечатлѣны чертами средневѣковаго быта западной Европы. Здѣсь и „рыцари“, и „высокія залы“. Въ переводѣ же говорится не о „рыцарѣ“, а о „дружинѣ“, что переноситъ мысль читателя въ обстановку древне-русской жизни; не упоминается также и о „высокихъ залахъ“, и о „морѣ“. Далѣе послѣдняя строфа:

Er sah ihn stürzen, trinken,
Und sinken tief ins Meer.
Die Augen thäten ihm sinken,
Trank nie einen Tropfen mehr“

т. е. „Онъ видѣлъ, какъ онъ (кубокъ) упалъ, сталъ тонуть, и погрузился глубоко въ море. Смежились его очи; онъ не выпилъ больше никогда ни одной капли“.

Переводъ:

„И бездна поглотила
Завѣтный тотъ бокаль—
Царь, вѣрный до могилы,
Свой вѣкъ отпировалъ“.

Онъ очень воленъ и слабъ. Переводъ прочихъ строфъ не такъ далекъ отъ текста.

По вѣрности духу подлинника и главной его мысли лучше переводъ М. Загорскаго, напечатанный въ первый разъ въ альманахѣ 1825 года „Сѣверные цвѣты“, хотя размѣръ не выдержанъ. У Гёте трех-стопный ямбъ, у М. Загорскаго пяти-стопный съ усѣченіемъ на второмъ стихѣ. Онъ былъ перепечатанъ въ первомъ томѣ „Собранія сочиненій Гёте“, изд. подъ редакціей Гербеля.

Редакторъ измѣнилъ нѣсколько первоначальный текстъ, но не упоминаетъ объ этомъ. Такъ въ альманахѣ было раньше:

„Вручила при смерти бокаль“....

У Гербеля:

„Дала при смерти бокаль“....

Вмѣсто:

„Въ наслѣдномъ замкѣ, что стѣнами
Морскія волны отбивалъ“....

У Гербеля:

„Въ наслѣдномъ замкѣ, что скалами
Морскія волны отражалъ“.

Вмѣсто:

*„Онъ зрѣлъ, какъ черпалъ онъ краями,
Какъ внизъ волной былъ увлеченъ“.*

У Гербея:

*„Онъ видѣлъ, какъ сверкнувъ краями
Онъ внизъ волной былъ увлеченъ“.*

Вмѣсто:

„И тяжкій вздохъ вино струилъ“...

У Гербея:

„И тяжкій вздохъ вино мутилъ“....

Вмѣсто:

*„Съ послѣдней каплей тилъ царь вѣрный
Свою послѣднюю слезу“....*

У Гербея:

*„Съ послѣдней каплей неизмѣнный,
Смѣшавъ послѣднюю слезу,
Онъ бросилъ“.....*

Вмѣсто „очами“—„глазами“.

Трудно сказать, чѣмъ вызваны эти измѣненія.

Переводъ Э. Губера ясно передаетъ мысль и форму знаменитой баллады, вполне точенъ и вѣренъ подлиннику.

В. Красовъ перевелъ ее подъ заглавiемъ: „Король“. Это лучший переводъ „Оульскаго короля“ Гёте.

Свадебная поѣздка рыцаря Курта.

(„Ritter Curts Brautfahrt“).

Ө. Миллеръ перевелъ эту балладу слабѣе остальныхъ. Въ общемъ смыслъ баллады переданъ вѣрно, форма удержана. На нижеслѣдующихъ примѣрахъ можно видѣть недостатки перевода. Такъ Гёте говорить въ одномъ мѣстѣ (по окончанiи битвы съ противникомъ Куртъ спѣшитъ далѣе, къ нему выходитъ дѣвушка, прежняя его возлюбленная):

*„Und er findet nun die Amme,
Wie die Jungfrau, liebenswerth“*

т. е.

„И онъ теперь находитъ достойную любви
Кормилицу, какъ прежде дѣвушку“.

У Миллера:

„И усѣвшись возлѣ милой,
Началъ онъ ее ласкать“.

Вотъ отступленіе, наиболѣе бросающееся въ глаза, но много и другихъ, напр. въ 3-ей строфѣ—обращеніе дѣвушки къ милому, въ послѣдней—досадныя восклицанія и сѣтованіе его на судьбу. Привести ихъ здѣсь всѣ—это значить выписать большую часть стихотворенія. Не смотря на эти недостатки, общій характеръ и духъ баллады переданъ очень вѣрно.

Вѣрный Эккартъ.

(„Der getreue Eckart“).

Переводъ Ѳ. Миллера очень удаченъ, нѣкоторые мѣста переведены почти буквально; только въ одномъ случаѣ онъ стоитъ ниже оригинала. Въ шестой и седьмой строфахъ есть слѣдующіе стихи:

„Doch siehe, man kostet: ein herrliches Bier!
Man trinkt in die Runde schon dreimal und vier,
Und noch nimmt der Krug nicht ein Ende“.
„Das Wunder, es dauert zum morgenden Tag;
Doch fraget, wer immer fragen vermag:
Wie ist's mit den Krugen ergangen?
Die Mäuslein, sie lächeln, im Stillen ergetzt“

т. е. (Дѣти приносятъ гостямъ кружки, наполненные волшебнымъ пивомъ, кое въ нихъ не изсякаетъ): „Но смотрите, пробуютъ: чудное пиво! пьютъ круговую уже въ третій и четвертый разъ, и нѣтъ еще конца кружкѣ. Чудо продолжается до слѣдующаго утра; но пусть спроситъ тотъ, кто всегда въ состояніи спрашивать: что же случилось съ кружками? Мышенки улыбаются, радуясь втихомолку“.

У Ѳ. Миллера:

„Родные же кружки изъ рукъ ихъ берутъ
И пиво съ гостями все пьютъ они, пьютъ—
И кружки при томъ не пустѣютъ.“

До утра тѣ кружки все были полны—
И многимъ казаться ужъ стали чудны
Волшебные эти сосуды;
А дѣти смѣялись, смѣялись тайкомъ.... и т. д.

Скорѣе эти стихи можно назвать пересказомъ, нежели переводомъ; вѣтъ необходимости объяснять разницу между нѣмецкимъ текстомъ и русскимъ, такъ какъ ее можно замѣтить при простомъ сличеніи ихъ. Кромѣ этого попадаютъ еще слабо переданныя отдѣльныя выраженія оригинала. Такъ: „Wuthige Heer“ (въ приложеніи къ русалкамъ) т. е. свирѣпое войско (отрядъ) переведено: „вереница тѣней“, „Die Mäuslein“—„дѣти“.

Злая фуриі баллады въ переводѣ сдѣлались русалками. Вслѣдствіе этого немного странно то обстоятельство, что обитательницы водъ, которыя привыкли жить вблизи озеръ и рѣкъ, послѣ своего хищнаго поступка съ дѣтьми, удаляются въ горы и ущелья. Правда, по нѣмецкому сказанію, нѣкоторыя изъ фуриі были „русалками“, но здѣсь очевидно имѣются въ виду воздушныя женщины, горные духи.

Блуждающій колоколь.

(„Die wandelnde Glocke“).

Переводъ Н. Гербеля очень воленъ, но довольно удачно передаетъ содержаніе стихотворенія и духъ его. Слабѣ другихъ переведена 4-ая строфа.

У Гёте:

„Die Glocke, Glocke tönt nicht mehr,
Die Mutter hat gefackelt,
Doch welch ein Schrecken hinter her!
Die Glocke kommt gewackelt“

т. е.

„Колоколь, колоколь не звучитъ болѣе,
Мать задрожала,
Но какой ужасъ назади!
Колоколь идетъ качаясь“

У Гербеля онъ переведенъ такимъ образомъ:

„И что же колоколь молчитъ!
Свершилось предсказанье:

Онъ снялся съ петель и летить,
Какъ Божье наказанье“.

Переводъ этотъ не точенъ: о матери не говорится ни слова, точно также, какъ и о родѣ движенія колокола. Остался безъ перевода и слѣдующій за этой строфой стихъ:

„Die wackelt schnell, man glaubt es kaum“

т. е. „Онъ качается скоро; съ трудомъ можно повѣрить этому“.

Мужъ и жена (шотландская баллада).

(„Gutman und Gutweib“).

Θ. Миллеръ передаетъ только содержаніе стихотворенія, но не переводитъ въ собственномъ смыслѣ. Каждая строфа нуждается въ переработкѣ и требуетъ болѣе точнаго перевода; впрочемъ, духъ подлинника сохраненъ. Размѣръ измѣненъ: вмѣсто четырехъ-стопныхъ ямбовъ, чередующихся вмѣстѣ съ трехъ-стопными, у Θ. Миллера стихъ состоитъ изъ трехъ стопъ.

П а р і я.

І. Молитва паріи.

(„Des Paria Gebet“).

Переводъ Θ. Миллера удаченъ и почти всюду букваленъ, только одно мѣсто переведено недостаточно ясно и сильно.

У Гёте сказано (последнія 4 строки II-ой строфы):

„Mag diess für die Menschen gelten,
Mögen sie uns doch verachten;
Aber du, du sollst uns achten,
Denn du könntest alle schelten“

т. е.

„Пусть это имѣетъ значеніе для людей,
И пусть они насъ презираютъ;
Но ты, ты долженъ насъ уважать,
Потому что ты могъ бы всѣхъ покарать“.

У Ө. Миллера:

„Пусть несемъ мы поруганье

Отъ людей; но въ униженьи

Ты яви намъ уваженье:

Вѣдь и мы твое созданье“.

Въ нѣмецкомъ текстѣ логическое удареніе стоитъ на словѣ: „долженъ“. Здѣсь парія, отверженный и гонимый всѣми, выражаетъ свое глубокое убѣжденіе во всемогуществѣ Бога, который можетъ презирать людскія мнѣнія, и, безъ всякаго для себя ущерба, отдавать должное его выносливости и терпѣнью въ несчастьяхъ. У Гёте сильное выраженіе мысли, въ переводѣ нѣтъ этого.

Задолго до Ө. Миллера „Молитва“ была переведена А. Григорьевымъ. Отъ размѣра онъ отступилъ. Заключительные 4 стиха каждаго куплета рѣшуются у него не черезъ двѣ строки въ четвертую, а также, какъ и въ прочихъ четверостишіяхъ, черезъ одну. Переводъ, за исключеніемъ первой строфы и начала третьей, не особенно удаченъ.

Вторая строфа у Гёте читается такимъ образомъ:

„Edel sind wir nicht zu nennen:

Denn das schlechte, das gehört uns,

Und was Andre tödtlich kennen,

Das alleine, das vermehrt uns.

Mag diess für die Menschen gelten,

Mögen sie uns doch verachten;

Aber du, du solst uns achten,

Denn du könntest alle schelten“

т. е. „Благородными насъ называть нельзя, потому что намъ принадлежить дурное (собств. свойственно), и то, что другіе признаютъ смертнымъ, то одно размножаетъ насъ“. Переводъ остальныхъ стиховъ см. выше.

Григорьевъ переводить:

„Правда, мы неблагодарны,

Намъ худое подобаетъ;

Все, что смертно для свободныхъ,

То одно насъ размножаетъ.

Такъ судить прилично людямъ;

Но не въ мнѣніе людское,

А въ тебя мы вѣрить будемъ;

Правыхъ нѣтъ передъ тобою“.

Ни Ө. Миллеру, ни тѣмъ болѣе А. Григорьеву не удался переводъ этой строфы.

II. Легенда.

Переводъ Ө. Миллера близокъ къ тексту и почти буквальный; его точности въ данномъ случаѣ способствовало то обстоятельство, что стихотвореніе написано бѣлыми стихами. Всѣ неточности, которыя встрѣчаются въ немъ, произошли вслѣдствіе того, что переводчикъ или выбрасывалъ нѣкоторыя фразы подлинника или вставлялъ собственные. Такъ у Гёте первая строфа читается (последнія 3 строки):

„Diese trägt sie, frohen Busens,
Reiner Sitte, holden Wandelns,
Vor den Gatten in das Haus“

т. е. „Съ веселымъ сердцемъ, чистою душой, съ граціозной походкой, несетъ она его домой къ супругу“.

У Миллера:

„И она съ веселымъ сердцемъ,
Взявъ его несла домой“.

Нѣсколько характерныхъ выраженій пропущено. Далѣе мужъ убиваетъ жену.

„Und er kehrt mit blutigem Schwerte
Sinnend zu der stillen Wohnung“

т. е.: „И возвращается онъ задумчиво съ окровавленнымъ мечемъ въ тихое жилище“.

Миллеръ переводить:

„И съ мечемъ окровавленнымъ
Возвратился онъ въ жилище“.

И здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ чертъ, характеризующихъ настроеніе преступнаго мужа. Въ пятой строфѣ у Ө. Миллера вставлена одна лишняя строка. Далѣе въ шестой строфѣ у Гёте говорится:

„Dann der Mutter Haupt erfasst er,
Kusst es nicht, das todt erblasste,
Auf des nächsten Rumpfes Lücke

Setzt er's eilig, mitdem Schwerte
Segnet er das fromme Werk“

т. е. „Потомъ онъ схватываетъ голову матери, *не иплуетъ ее, покрытую смертною блѣдностью*, быстро приставляетъ ее къ пустому мѣсту ближайшаго туловища, освящаетъ благочестивое дѣло мечемъ“.

У Миллера:

„Онъ схватилъ главу родимой
И къ ближайшему изъ труповъ
Приложилъ съ благословеньемъ,
И мечемъ ея коснулся,
Чтобы жизнь ей возвратить“.

Подчеркнутыя строки не переведены, а онѣ хорошо характеризуютъ поспѣшность сына воскресить мать какъ можно скорѣе.

Страсть, которую супруга Браммы влагаетъ въ свои слова, страсть, выраженная у Гёте въ нѣсколькихъ подѣрядъ взятыхъ прилагательныхъ, съ экспрессіей, идущей crescendo, въ переводѣ выражена недостаточно ясно; у Гёте сказано:

Er gebot ja buntem Fittig,
Klarem Antlitz, schlanken Gliedern,
Göttlich—einzigem Erscheinen
Mich zu prüfen, zu verführen“

т. е. (букв. перев.):

„Онъ вѣдь приказалъ пестрому крылу,
Ясному челу. тѣбкимъ членамъ
Чисто—божественному видѣнію“¹⁾
Испытать, искусить (соблазнить) меня“.

У Ө. Миллера:

„Онъ послалъ тотъ чудный призракъ,
Полный прелести небесной,
Чтобъ меня его красю
Испытать и соблазнить“.

Подчеркнутая строка не передаетъ ни одного образа нѣмецкаго текста.

За исключеніемъ приведенныхъ стиховъ, всѣ остальные переведены буквально.

¹⁾ Т. е. крылатому, прекрасному во всѣхъ отношеніяхъ полубогу.

III. Благодарность парии.

(„Dank der Paria“).

Въ переводѣ послѣдней части трилогіи Миллеръ не придерживается близко текста, а передаетъ только смыслъ. Въ такихъ характерныхъ стихотвореніяхъ, какъ это, подобное отношеніе къ подлиннику, составляетъ уже значительное упущеніе.

Легенда о подковѣ.

(„Legende von Hufeisen“).

Въ списокъ балладъ, переведенныхъ на русскій языкъ, у Н. Гербеля (въ изданіи подъ его редакціей) помѣщена и „Легенда о подковѣ, переведенная А. Струговщиковымъ подъ заглавіемъ: „Мудрецъ и его ученикъ“. У Гёте это стихотвореніе помѣщено подъ рубрикой: „Пораблическое и эпиграмматическое“. Переводъ А. Струговщикова есть вольная передѣлка. Сюжетъ пьесы, какъ у него, такъ и у Гёте одинаковъ, но дѣйствующія лица разные.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ у Гёте является Христосъ, который на примѣрѣ учитъ св. Петра, а кстати и другихъ учениковъ; у Струговщикова—Платонъ и его ученикъ Ктезипшъ; его рассказъ такимъ образомъ не имѣетъ никакого отношенія къ Христу и его притчамъ.

Кромѣ того, свѣтлая личность Платона въ соотвѣтствіе Спасителю у Гёте, который является у него благороднымъ и мудрымъ, въ концѣ легенды сильно тускнѣетъ вслѣдствіе слишкомъ вольной передачи послѣдней строфы.

Сюжетъ легенды таковъ: однажды Христосъ съ своимъ ученикомъ св. Петромъ шелъ въ городъ и замѣтилъ лежащую на дорогѣ подкову. Онъ попросилъ св. Петра поднять ее, но тотъ, мучась своими честолюбивыми мыслями, не обратилъ никакого вниманія на слова Спасителя и пошелъ дальше. Послѣдній самъ взялъ подкову и мимоходомъ купилъ на нее вишень. Когда путешественники проходили по открытому полю, гдѣ не было жилья, ихъ стала мучить жажда; воды достать было негдѣ и вотъ въ это время пригодились вишни: Христосъ утолилъ ими жажду и, хотя видѣлъ плачевное состояніе ученика, но хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и дать ему урокъ. Онъ нарочно бросалъ вишни одну за другой на землю и за каждой св. Петръ нагибался и поднималъ ее:

Dann sprach der Herr mit Heiterkeit;
Thätst du zur rechten Zeit dich regen,
Hätt'st du's bequemer haben mögen.
Wer geringe Ding'wenig acht't,
Sich um geringere Mühe macht.

т. е. „Тогда Господинъ (Учитель) сказалъ весело: если бы ты во время нагнулся, то владѣлъ бы этимъ съ гораздо бѣльшимъ удобствомъ. Кто мало обращаетъ вниманія на малую вещь, потомъ заботится еще о болѣе незначительной.

Какъ замѣчено выше, у А. Струговщикова вмѣсто Христа является Платонъ, вмѣсто св. Петра—Ктезиппъ. Всѣ остальные стихи переведены болѣе или менѣе удачно (конечно, въ переводѣ, какъ въ вольной передѣлкѣ съ меньшимъ количествомъ стиховъ, нѣтъ многихъ деталей подлинника); послѣднія слова, соответствующія только что приведеннымъ, читаются слѣдующимъ образомъ:

„Что легче: во время ли разъ,
Иль послѣ гнуться каждый часъ?“
Сказалъ и—изъ любви прямой,
Прибавилъ онъ съ улыбкой злой:
„Кто рано малымъ небрежетъ,
За меньшимъ послѣ спину гнетъ“.

Не пристало великому мудрецу, какимъ выставляется Платонъ въ началѣ стихотворенія, говорить со злобой, да къ тому же вѣдь онъ обращается къ своему ученику.

Форму подлинника А. Струговщикова удержалъ въ своемъ переводѣ.

Переводы Жуковского изъ Гёте

(кромѣ балладъ).

Кромѣ вышеуказанныхъ переводовъ балладъ Гёте, сдѣланныхъ Жуковскимъ, существуютъ еще слѣдующіе: „Жалоба пастуха“, „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Новая любовь—новая жизнь“, „Къ мѣсяцу“, „Странникъ“ (и мелкіе: см. выше). Всѣ они рѣзко запечатлѣны индивидуальностью переводчика.

Утѣшеніе въ слезахъ.

(„Trost in Thränen“).

Для своего стихотворенія Гёте воспользовался народной пѣсней, гдѣ передается разговоръ между пастушкой и охотникомъ. Форма и тамъ и здѣсь одинакова, также какъ и цѣлыя выраженія въ первыхъ двухъ строфахъ.

Жуковский перевелъ его прекрасно и сохранилъ форму подлинника. Все стихотвореніе Гёте проникнуто романтическимъ настроеніемъ, туманной грустью, и недомолвки встрѣчаются очень часто; вотъ почему Жуковский и выбралъ его для перевода.

Въ 4-й строфѣ разница между положеніемъ друзей поэта и его самого отгѣнена однимъ словомъ: „счастливы“.

У Гёте она читается такимъ образомъ:

„Ihr lärmt und rauscht und ahnet nicht,
Das mich den Armen quält.
Ach nein, verloren hab'ich's nicht,
So sehr es mir auch fehlt“.

У Жуковского:

„Какъ вамъ, счастливымъ, то понять,
Что понялъ я тоской?
О чемъ... но нѣтъ! Оно мое,
Хотя и не со мной“.

Эта строфа можетъ служить и примѣромъ всего перевода.

Жалоба пастуха.

(„Schäfers Klagelied“).

Переводъ этой пьесы у Жуковского не такъ близокъ къ тексту, какъ предыдущей, но мысль подлинника передана вѣрно, вообще все содержаніе стихотворенія. Въ собраніи сочиненій онъ озаглавленъ: „Жалоба пастуха (съ нѣмецкаго)“ и при жизни поэта не былъ внесенъ въ изданіе его стихотвореній; вся пьеса не носить на себѣ печати тщательной отдѣлки, попадаютъ стихи и фразы, непріятно звучащія для современнаго читателя.

Новая любовь—новая жизнь.

(„Neue Liebe—neues Leben“).

Переводъ этотъ—воленъ. Въ первой строфѣ нѣтъ повторяемаго нарѣчья „weg“—„прочь!“.

У Гёте она читается такимъ образомъ (вторая половина):

„Weg ist alles, was du liebtest,
Weg, warum du dich betrübtest,
Weg dein Fleiss und deine Ruh—
Ach wie kamst du nur dazu“.

У Жуковского (кромѣ этого упущенія переводъ буквальный):

„Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило.
Гдѣ безпечность, гдѣ покой?
Ахъ, что сталося съ тобой?“

Стихи Гёте съ повтореніемъ одного и того же слова въ началѣ каждой строфы сильнѣе и рѣшительнѣе опредѣляютъ его мысль, чѣмъ стихи Жуковского.

Въ третьей строфѣ мысль поэта перефразирована; Гёте, хотя и живетъ новой жизнью, но старается, по крайней мѣрѣ бороться съ своею страстью (см. Люисъ. „Жизнь Гёте“. 249 с. 67 г. или „The life and works of Goethe“ того же автора ст. 298. London 1855 г.); не то у Жуковского: онъ всецѣло предается любовному увлеченію:

„И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ, хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть“,

говорить онъ.

Между прочимъ, это любопытный примѣръ пассивнаго отношенія его къ жизни, исключаящаго всякую борьбу и настойчивость, соединенную съ пламенной страстью.

Конечно, въ концѣ концовъ и Гёте, и Жуковскій приходятъ къ одному и тому же результату: отдаются во власть любовной страсти. У Гёте приведенныя слова читаются такимъ образомъ:

„Muss in ihrem Zauberkreise,
Leben nun auf ihre Weise.

Die Veränderung ach wie gross!

Liebe! Liebe! lass mich, las!“.

т. е. „Я долженъ жить въ ея заколдованномъ кругу, жить по ея волѣ. Ахъ! какъ велика перемѣна! Любовь, любовь! оставь меня!“

Къ мѣсяцу.

(„An den Mond“).

Вниманіе Жуковскаго привлекло романтическое, сантиментальное содержаніе стихотворенія: въ немъ говорится о дружбѣ, о потерянныхъ надеждахъ, объ уединеніи. Переводъ написанъ въ 1817 г., когда Жуковский, по словамъ Зейдлица, предавался грусти по поводу выхода замужъ дѣвушки, къ которой всю жизнь чувствовалъ привязанность, Марьи Андреевны Протасовой. Первые двѣ строфы переведены почти буквально, встрѣчаются удачныя выраженія: такъ напр. стихи:

„Löscht endlich auch einmal

Meine Seele ganz“.

переведены:

„Онъ мнѣ душу *растворилъ*

Сладкой тишиной“.

Почти также переведена и третья; въ четвертой Жуковский измѣняетъ текстъ Гёте, хотя смыслъ передаетъ правильно. Читается она такъ:

„Fliesse, fliesse, lieber Fluss!

Nimmer werd'ich froh,

So verrauschte Scherz und Kuss,

Und die Treue so“.

т. е. „Лейся, лейся, милый ручей (соб. „рѣка“)! Я никогда не буду веселъ; такъ съ шумомъ пронеслись шутки и поцѣлуи, такъ (исчезла) вѣрность“.

У Жуковскаго:

„Лейся, мой ручей, стремись!

Жизнь ужъ отцвѣла;

Такъ надежды пронеслись,

Такъ любовь ушла“.

У него, какъ у меланхолика съ нѣжнымъ сердцемъ, ни одинъ періодъ жизни не отмѣченъ веселой беззаботностью („Scherz und Kuss“).

Шестая и седьмая строфы переведены одной. Здѣсь Гёте обращается къ ручью съ просьбой вдохновить его пѣсни, тогда ли, когда онъ вслухаетъ зимней ночью, или тогда, когда (обращеніе къ ручью):

„Um die Frühlingspracht
Junger Knospen quillst“.

т. е. когда бьешь ключемъ вокругъ молодыхъ почекъ, украшенія весны.

Весеннія воспоминанія были въ то время далеки отъ поэта (прощаніе съ друзьями сильно подѣйствовало на его настроеніе), онъ не искалъ подобнаго рода вдохновенія, такъ какъ его лира была одинока, какъ онъ говоритъ въ слѣдующей строфѣ:

„Лейся, лейся, мой ручей
И журчанье струй
Съ одинокою моею
Лирой согласуй“.

Послѣдніе стихи переведены удачно, потому что въ нихъ прославляется дружба и уединеніе вдали отъ толпы.

Стихотвореніе это написано Гёте въ 1778 г. Ясно выраженная тоска соотвѣтствуетъ тому состоянію духа, въ которомъ онъ находился въ это время. 17-го января, когда они вмѣстѣ съ герцогомъ катались на конькахъ, онъ замѣтилъ трупъ дѣвицы ф.-Лассбергъ, которую несли на рукахъ по направленію къ нимъ. Наканунѣ она бросилась въ Ильмъ вслѣдствіе того, что любовь ея осталась безъ отвѣта. Огорченіе Гёте еще болѣе усилилось, когда въ ея карманѣ нашли „Вертера“. 19-го января онъ писалъ г-жѣ ф.-Штейнъ: „Скорбь имѣетъ въ себѣ также нѣчто опасно привлекательное, какъ и вода; въ нихъ обѣихъ отражаются звѣзды небесныя и манятъ насъ.“

Странникъ.

(„Der Wanderer“).

Жуковский перевелъ это стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Путешественникъ и поселянка“. У Гёте оно написано бѣлымъ стихомъ; у Жуковского то же самое, только больше строкъ. Отступленія отъ текста встрѣчаются по большей части въ переводѣ одѣльныхъ выраженій. Такъ: „in des Ulmbaums Schatten“ переведено: „въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ“ вм. „подъ тѣнью вяза“; стихи:

„(Дай мнѣ найти пріютъ)
Wo den Mittagsstral
Ein Pappelwäldchen wehrt“.

т. е. „Гдѣ-то тополевыя лѣсоки отражаютъ жаръ юга (лучи полдня)“
переведены:

„Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала“.

Вольно переведены слѣдующіе стихи:

„Welchen der umschwebt,
Wird in Götterselbstgefühl
Iedes Tag geniessen.
Voller Keim, blüh' auf,
Des glänzenden Frühlings
Herrlicher Schmuck.
Und leuchte vor deinen Gesellen!
Und welkt die Blüthenhülle weg,
Dann steig' aus deinem Busen
Die volle Frucht
Und reife der Sonn' entgegen“.

т. е. „Кого онъ обниметъ, будетъ каждый день наслаждаться чувствомъ своей божественной природы. Развивайся, полноносный ростокъ, великолѣпное украшеніе цвѣтущей весны, и блистай между товарищами! И когда цвѣточный покровъ, завянувъ, отпадаетъ, взрасти изъ своей груди полный плодъ, и взлѣй его на солнцѣ“.

У Жуковского:

Кого присвоить онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ;
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтокъ прекрасный;
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ
И дай богатый плодъ“.

На божественность человѣческой природы поэтъ не указалъ. Въ переводѣ кромѣ того встрѣчаются мѣткія и вѣрныя передачи сложныхъ нѣмецкихъ прилагательныхъ.

Моя богиня.

(Meine Göttin).

Въ 1780 году Гёте вмѣстѣ съ герцогомъ совершилъ путешествіе внутрь страны съ цѣлью поближе познакомиться съ нею; 15 сентября того же года онъ послалъ это стихотвореніе фрау ф-Штейнъ. Тема его такая: чрезъ посредство фантазіи человѣкъ возносится надъ суетою и нуждою жизни. Послѣдняя заключена въ тѣсныя рамки, но мы имѣемъ возможность выходить изъ нихъ, такъ какъ „Зевсъ“ даровалъ намъ „причудницу рѣзвую, богиню-фантазію“. Еще до этого Гёте жаловался фрау ф-Штейнъ, что геній поэзіи не даетъ ему покоя и посѣщаетъ его во время служебной поѣздки.

Такой сюжетъ привлекъ вниманіе Жуковскаго и онъ плодотворно разработалъ его.

У Гёте—ямбы и дактили, у Жуковскаго—амфибрахій; переводъ его воленъ настолько, что иногда одно слово поэта даетъ ему поводъ нарисовать цѣлую картину, хотя нѣкоторыя выраженія, наиболѣе оригинальныя, въ немъ сохранены (напр. „Im dunkeln Genuss und trüben Schmerzen“—„въ слѣпыхъ наслажденіяхъ, съ печалами смутными“). Первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1809 года (т. 47); въ позднѣйшихъ изданіяхъ нѣкоторые стихи были выпущены, нѣкоторые измѣнены.

Раньше было:

Въ поздн. изданіяхъ:

„И внемлетъ, задумавшись“,	то внемлетъ
„Цвѣтокъ разнолиственный, Душистый, невянущій“	} пропущено.
„И въ щастьи и въ бѣдности“,	и въ счастья и въ горести.
„Цибелы обильныя Дарами и жизнію“	} пропущено.

Вся пьеса Жуковскаго написана очень изящно и переполнена тонкими образами, по большей части отсутствующими у Гёте. Второй переводъ ея, подъ заглавіемъ: „Богиня фантазіи“, принадлежитъ А. Струговщикову. Онъ воленъ также, какъ и переводъ Жуковскаго, но здѣсь-то и видна разница между творческой фантазіей великаго поэта и второстепеннаго. Какъ Жуковскій стоитъ съ Гёте на одномъ уровнѣ по силѣ выраженія одной и той же мысли (если не превосходитъ его), такъ точно Струговщиковъ безконечно ниже его; много яркихъ образовъ у него пропущено, стихи отъ 40—47 остались совсѣмъ безъ пе-

ревода. Къ невольно напрашивающемуся сравненію его перевода съ переводомъ Жуковскаго присоединяется еще то обстоятельство, что онъ написанъ однимъ съ нимъ размѣромъ, амфибрахіемъ; кромѣ того есть нѣкоторое сходство въ образахъ и выраженіяхъ.

Изъ разбора „Римскихъ элегій“ и „Балладъ“, можно замѣтить, что не всѣ лучшіе переводы попали въ изданіе подъ редакціей Н. Гербеля и П. Вейнберга, что не всегда должно отдавать предпочтеніе переводамъ первоклассныхъ поэтовъ. Фантазія часто заводитъ ихъ въ сторону; возбуждаемая извѣстнымъ поэтическимъ образомъ, она творить, и это творчество отлично отъ того, какое предлагается поэтомъ, изъ котораго заимствовано стихотвореніе.
